

необходимость для князя собрать возможно больше воинов. Для этой цели автор Моления советует князю не ограничиваться собиранием слуг из своей области, а привлекать их из чужих „стран“ (т. е. областей): „Яко же бо ряп, збирая птенцы, не токмо своя, но и от чюжих гнезд приносит яйца. Воспоет, рече, ряп, созовет птенца, их же роди и их же не роди; тако и ты, княже, многи слуги совокупи, не токмо своя домочадца, но и от инех стран совокупи притекающая к тебе, ведуще твою обычную милость“.¹ Здесь вторая редакция памятника отражает сравнительно мало распространенное в XII в., но развившееся позднее в феодальном мире явление, а именно распространение власти сильного князя на „чужие“ области и переход к нему на службу чужих вассалов.

По мысли автора второй редакции, князь силен и грозен именно множеством воинов. О княжеской „грозе“ говорится и в первой редакции, там, где Даниил Заточник жалуется, что все его обижают, поскольку он не огражден „страхом грозы“ княжеской. Но здесь этот термин применен как синоним княжеской власти, и ничего не говорится о том, какая же сила придает этой власти характер „грозы“. Такую конкретизацию мы находим во второй редакции. „Орел птица царь над всеми птицами, — пишет автор Моления, — а осетр над рыбами, а лев над зверми, а ты, княже, над переславцы. Лев рыкнет, кто не устрашится; а ты, княже, речеши, кто не убоится. Яко же бо змий страшен свистанием своим, тако и ты, княже наш, грозен множеством вои“.²

Под этим углом следует рассмотреть и высказывания автора второй редакции о холопстве. В XVI в. Иван Пересветов требовал уничтожения рабства прежде всего потому, что холоп — дурной воин, не заинтересованный в том, чтобы отличиться в бою: „порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есмь холоп, иного мне имени не прибудет“.³ Автор Моления Даниила Заточника также пишет о том, что как бы холоп ни был „горделив и буяв“, ему все равно не избыть позора, холопья имени.⁴

Приведенные наблюдения над текстом Слова Даниила Заточника дают нам основание характеризовать это произведение (во второй редакции) как памятник ранней дворянской публицистики, где в зача-

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 66—67.

² Там же, стр. 66 (разрядка моя. — И. Б.).

³ В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов, публицист XVI века. ЧОИДР, 1908, кн. 1, отд. II, стр. 75.

⁴ „Не лепо у свинии в нозрех рясы златы, тако на холопе порты дороги. Аще бо были котлу во ушю златы колца, но дну его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени“ (Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 60, 61).